

СОЛИДАРНОСТЬ — КЛАССОВАЯ ИЛИ НАЦИОНАЛЬНАЯ?

Борис Межуев

БОРИС МЕЖУЕВ —
шеф-редактор «Русского
журнала»

Финансовый кризис учит Россию жить при реальном капитализме. Не в том сказочном мире потребительского изобилия, о котором грезил обыватель брежневской эпохи, но в том чреватом экономическими спадами, массовыми увольнениями, социальными катаклизмами обществе, которое пытались в меру своих сил исправить социал-реформисты двух прошедших столетий.

Может быть, главная проблема капиталистического общества для многих интеллигентов, в особенности русских, состояла даже не в неравенстве, которое все-таки могло быть немного сокращено усилиями государства, и даже не в зависимости от непредсказуемой рыночной стихии, способной в один момент поставить крест не только на карьере, но и на всей судьбе. Главная проблема состояла в том, что **в капиталистическом обществе ни одно решение никогда не оказывалось однозначно верным ни с экономической, ни с политической, ни, что более существенно, с нравственной стороны.** Ни одна серьезная проблема здесь не подлежала однозначно верному решению.

Скажем, финансовая стабилизация здесь всегда несет угрозу экономической безопасности тысяч наемных работников, стрем-

ление поддержать сокращающееся производство чревато инфляцией, а затяжная инфляция, в свою очередь, торможением экономического роста при неуклонном повышении цен; жесткое отжатие денежной массы вновь ведет к острым социальным проблемам и т.д. и т.п. И это только один ряд нерешаемых трудностей, а наряду с ним существует еще множество.

Возьмем только одну из таких проблем: **проблему классовой солидарности.** Благородные социальные реформаторы в Великобритании в начале XIX столетия отнюдь не хотели господства «волчьих законов капитализма». Наоборот, они попытались обеспечить каждого работника гарантированным прожиточным минимумом. Однако государственная помощь приводила к еще большей социальной деградации и пауперизации населения. Капитализм просто вынуждал рабочее население бороться за свои права, не полагаясь на покровительство государства.

Однако пробужденная классовыми боями рабочая солидарность имела и обратную сторону: с этого времени социализм очень прочно связал себя с политическим атеизмом. За феноменом «политического атеизма» стояло не одно только просветительское неверие, за ним стоял сознательный отказ борцов за интересы рабочего класса руководствоваться в своей политике какими бы то ни было иными мотивами, кроме чисто материальных интересов.

Проблема состояла не в том, что крайности капитализма вынудили защитников наемного труда апеллировать, условно говоря, к голосу желудка, — проблема в том, что **от «крайностей капитализма» невозможно было бы отойти, если бы социалисты не руководствовались «голосом желудка» и только**

им. Иными словами, капитализм так и остался бы «волчьим», если бы социалисты в определенный момент не отвергли «национальную солидарность» и не стали усердно строить «солидарность классовую».

Из заведомо «плохой» ситуации реального капитализма, тем более реального кризиса внутри реального капитализма, не существует однозначно хорошего и однозначно правильного выхода: здесь возможны лишь более или менее удачные паллиативы. И между тем именно они часто оказываются хорошим средством для спасения и нации, и класса. Таким выходом в свое время стал рузвельтовский «Новый курс», в рамках которого был заключен спасший Америку социальный пакт между государством, бизнесом и профсоюзным движением, — пакт, зафиксировавший интересы каждой из сторон. Однако Российскому государству и лоббистам со стороны бизнеса фактически не с кем заключать аналогичный пакт. Профсоюзное движение в России находится в зачаточном состоянии, существующие организации либо крайне малы, либо ужасно далеки от народа.

Между тем **государству сегодня необходимы контрагенты для политического диалога** — как справа, со стороны частного капитала, так и в особенности слева — со стороны наемного труда. Но, с другой стороны, только в диалоге с государством и при его посредничестве эти неизбежно враждебные друг другу силы не разорвут подлинную «национальную солидарность», которая при реальном капитализме достигается, увы, не за счет героического забвения собственных классовых интересов, но за счет ожесточенного спора и вынужденного компромисса с классовым противником. ■